

ФЕНОМЕН СТРАХА СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ф. Н. ИЛЬЯСОВ

Ильясов Фархад Назипович - кандидат философских наук (E-mail: fa08@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются практики манипулирования формами социального поведения посредством страха смерти.

Ключевые слова: страх смерти, аборт, вегетарианство, самоубийства, смертная казнь, эвтаназия

Желание жить - самое сильное из всех желаний. Человек зачастую способен пренебречь всеми иными ценностями (мораль, законы, личные чувства и т.п.) в пользу собственной жизни. Своим следствием это желание имеет страх смерти (нежелание умереть). Равно и все человеческие страхи имеют своей изначальной основой страх смерти. Но если субъект страшится голода, боится лишиться власти или денег, то эти чувства, по меньшей мере, объяснимы. Однако страх небытия не имеет логического или смыслового пояснения, он - некоторая данность, свойство, формировавшееся в процессе эволюции и закреплённое, возможно, генетически. И это понятно, в тысячелетиях выживали те особи, у которых желание жить (страх смерти) было максимизировано.

Нет ничего **объективно** страшного в самом небытии для индивида, уже перешедшего "в лучший мир". Живой же человек переживает по поводу неизбежности факта своей смерти и процесса умирания. А мысль о насильственном и/или досрочном "переводе в небытие" неизменно вызывает ужас. И этот ужас люди издревле пытаются использовать для укрепления социального порядка и власти. Смертные казни и убийства в ходе военных действий и карательных операций, пожалуй, самые агрессивные регуляторы социальной жизни и межгрупповой конкуренции. Использование страха смерти в качестве самого сильного инструмента социального регулирования, вероятно, является и самым древним.

"Феномен смерти": табуирование и дефиниция. Рассматриваемая область знания довольно обширна, но мало исследована, поэтому попытка её описания в некоторой степени схематична и полемична. Существует значительный пласт литературы, связанной с такими направлениями рефлексии смерти как эсхатология ("учение о Конце") и танатология ("учение о смерти"). Однако создаётся впечатление, что подобные формы рефлексии больше отражают страх смерти авторов (и читателей), представляют скорее своеобразную психотерапию, нежели стремление изучать социальную составляющую феномена смерти.

Феномен смерти, несмотря на непосредственную связь с общественным поведением, социологией исследуется не очень активно и даже производит впечатление "табуированного". "Разрешенные" сюжеты здесь - исследования самоубийств (пример, работа Э. Дюркгейма "Самоубийство" [1]). Среди отечественных социологических исследований удалось найти только публикацию И. Лавриковой "Молодежь: отношение к смерти" [2].

Обычно "отраслевые" направления в социологии (социология труда или семьи, например) называют по наименованию той сферы, поведение людей в которой, или по отношению к которой, изучается. По аналогии, учитывая актуальность и значимость темы, логично было бы создать концепцию по изучению поведения людей, связанного с феноменом смерти.

Темой смерти активно занимались культурологи, историки и психологи. В качестве примера можно упомянуть капитальный труд Ф. Арьеса "Человек перед лицом смерти" [3]. Психологи и психотерапевты, как представляется, в наибольшей

мере продвинулись в исследовании влияния феномена смерти на поведение человека, т.к. предмет их исследований - страхи и подавляемые желания. Отметим, что психоанализ оказал существенное влияние на социологию в части исследований морали и религии. В сфере изучения связи феномена смерти и группового поведения заметное место занимает известная работа З. Фрейда "Тотем и Табу" [4]. Возможно, именно она может дать толчок к разгадке причины "табуированности" исследований об этом феномене.

Ю. Бородай в работе "Эротика-смерть-табу" [5] исследует связь феноменов смерти и табу с конкурентным половым поведением. Общий объясняющий элемент в построениях Фрейда и Борода - страх. Так или иначе, речь идёт о "коллективной невротической фиксации" на страхе, о своеобразном "коллективном неврозе страха". "Смысл" невроза, как известно, - нахождение образа, который, замещая, спасает от осознания мучительных для данной группы людей идей, знаний. Таким "замещающим" образом, в частности, могут выступать, фетиш и тотем.

Если довести идею о страхе до предела, то можно предположить, что в качестве доминанта на самом деле выступает... сама смерть, как предельный и "главный" компонент (ему "подчиняются" все, он не подчиняется никому). То есть образы сверхдоминанта и смерти в бессознательном слиты, представляют одно целое и проявляются в "беспредметном", абстрактном страхе. Тогда уместно, и простое предположение, что причина "неразвитости" представлений о смерти - мистический страх перед ней.

"Нормативы смерти". Отдельные группы людей, общество в целом, вольно или невольно, устанавливают, принимают по умолчанию определённые "нормативы смерти". Например, казнь невинного человека в результате судебной ошибки, обнаруживающаяся раз в несколько лет, вызывает бурю негодования и требование запрета. Однако ежедневная гибель сотен и тысяч людей в результате дорожно-транспортных происшествий не провоцирует никакого возмущения и уж тем более не вызывает требований запретить автомобили как таковые.

Естественно, нормативы смерти имеют исторический характер. Например, если сейчас какого-то человека загрызёт хищник, то это вызовет ужас и станет "хорошим информационным поводом", но люди, регулярно умирающие от удара электрического тока, не вызывают никаких эмоций, и эти смерти не являются "резонансными". Тогда как в историческом измерении не так давно гибель от хищника была "рутинной", а смерть от молнии - кошмаром.

Нормативы смерти можно классифицировать по основанию качественного и количественного измерения. Война - это убийство, декларируемое в "коллективных интересах". Здесь нет конкретных нормативов, но в качестве такового выступает неявный "качественный" императив в отношении убийства солдат противника: "чем больше, тем лучше". То же можно сказать о такой разновидности групповых конфликтов как терроризм.

Процент убийств в результате уголовных преступлений и смертных казней уже подсчитывается и изучается с "нормативной точки зрения". Также ведётся подсчёт кончин в результате "непреднамеренных смертей", наступающих в результате потребления табака, алкоголя, наркотиков, ожирения, автомобильных и иных катастроф, гибели от травм на производстве. Вероятно, уровень социального развития и тип сообщества могут быть описаны, в том числе, по этим статданным.

Страх смерти как детерминация некоторых форм группового поведения. Отдельные нормативы смерти люди пытаются установить в животной и растительной природе. Например, некоторые люди выступают против убийства бродячих собак и за создание для них питомников. При этом предполагается, что в этих питомниках собак будут кормить. Основу этого корма составят продукты, выработанные из других убитых животных (коров, свиней). То есть, в ряде общественных групп существуют нормативы: "Корову убивать нужно, собаку (кошку и т.д.) убивать нельзя", "Корову нужно убивать, чтобы кормить собаку".

Подобная избирательность и, казалось бы, странная алогичность, позволяет предположить, что "здесь не всё чисто". Одиннадцать глубинных интервью, проведённых автором, позволяют предположить, что у такого рода "защитников животных" имеет место частичное нарушение механизмов видовой идентификации¹, по типу того, какое

наблюдается в тотемизме. Эти люди бессознательно, в той или иной мере, отождествляют себя с "тотемным животным" (например, с собакой). Потому "собаку убивать нельзя, а корову надо убивать и кормить ею собаку".

Весьма характерно, что лица, активно выступающие против умерщвления бродячих собак, как правило, не выступают так же активно за помощь, например, бездомным детям. Возможно, дети вида *Homo sapiens* представляются им в определённом смысле "чуждыми животными"². Выступая за неприкосновенность "тотемного животного", человек бессознательно защищает собственную жизнь и это, в конечном счёте, всего лишь одна из форм проявления страха смерти. Таким образом, есть *некоторые* основания предполагать, что "любовь" к "бесполезным" квартирным животным типа кошек и собак это всего лишь форма проявления "тотемизированного" страха смерти. Возможно, чем выше страх смерти, тем сильнее "любовь" к указанным животным.

Вегетарианцы ведут себя несколько более последовательно. Они в полной мере отрицают возможность убийства любого животного, но не любого живого существа. Пользуясь метафорой вегетарианцев, мясной суп - это отвар из трупов. Но они, тем не менее, потребляют в пищу живые организмы в виде, например, моркови, свеклы, лука, капусты и проч.

То есть их норматив ограничения смерти касается только части живого мира. Ведь, к слову сказать, если бы морковь или лук "оставили в живых", они росли бы дальше и дали семя для следующих поколений. Вегетарианцы также склонны потреблять собственно семя растений, лишая их будущей жизни. Зерна злаков, риса, миндаля, орехи и т.п. - это всего лишь половые клетки растений, которых "убивают" для приготовления еды или "едят живыми".

Если быть до конца последовательными, то вегетарианцы должны были бы выступать за разработку методов фотосинтеза человеческим организмом - тогда человек получал бы энергию солнца "напрямую", минуя посредников в лице "безжалостно поедаемых" животных и растений. Детерминация вегетарианства, скорее всего, не в абстрактном гуманизме по отношению к животным. Интервью с убеждёнными вегетарианцами, проведённые автором в разные годы, дают основания предполагать, что основу их поведения составляет страх личной смерти³. У этой группы лиц, как представляется, срабатывают некие бессознательные механизмы идентификации с животными. Таким образом, они, подобно язычникам, проповедующим тотемизм, выступая против убийства животных, бессознательно выступают против собственной смерти.

Запрет абортов. Противники абортов расценивают аборты как разнородность убийства и объясняют свою точку зрения восприятием зародыша как "правосубъектного" живого существа и следующей отсюда неправомерностью лишения его жизни. Противники абортов клерикального толка полагают зародыш существом, в котором уже есть "божественная искра жизни" и расценивают аборт как грех убиения.

¹ На это, в частности, указывает тот факт, что у респондентов собака вызывает те или иные, довольно многочисленные, ассоциации с ребёнком.

² Мы оставляем за скобками случаи "любви к животным", имеющие базисом: а) неудовлетворенные потребности в различных типах коммуникации, б) снятие чувства тревоги, в) повышение/демонстрация статуса, г) отклонения поло-видовой идентификации (скотоложество) и проч.

³ Им свойственна повышенная немотивированная тревожность, пониженная социальная и социально-психологическая адаптированность, неуверенность в себе. Тема смерти вызывает повышенный страх и стремление избежать её.

Если зародыш понимается как субъект с правом на жизнь, то здесь невольно встаёт вопрос о том, с какого момента это право возникает. Ведь, если быть последовательным, то надо опуститься "на уровень ниже" и рассмотреть право на существование таких явлений жизни как сперматозоиды и яйцеклетки, и задаться вопросом: имеют ли они право на жизнь, на продолжение жизненного цикла.

Надо отдать должное последовательным противникам абортотв, они выступают и против употребления противозачаточных средств, как лишających половые клетки права на жизнь (продолжение жизненного цикла), а они, по ряду признаков, могут рассматриваться как самостоятельные живые существа.

Правда, мало кто из противников абортотв доходит до логического конца. Ведь соблюдение "права половых клеток на жизнь" обязывает всех половозрелых людей

стр. 82

всё время оплодотворять друга, дабы не нарушать "права клеток"⁴. Впрочем, будет не очень удивительно, если подобного рода настояния через время как-то себя проявят в общественных движениях.

Хотя, надо признать, формальная логика и риторические аргументы, в конце концов, не имеют большого реального веса, так как здесь важна реальная мотивация противников абортотв. Беседы с некоторыми из них дают почву предположить, что действительной детерминацией их поведения является бессознательная чрезмерная актуализация репродуктивного рефлекса⁵. То есть, в первом приближении, речь может идти о проявлении биологических рефлексов, направленных на рост популяции. Однако психоаналитическая трактовка, в итоге, склоняет больше в пользу догадки о бессознательных неудовлетворённых сексуальных влечениях и подавленных репродуктивных рефлексах. То есть противники абортотв бессознательно могут воспринимать запрет на абортотв, и как запрет на реализацию их неудовлетворённых половых интенций, и как символическую форму подавления их репродуктивных инстинктов.

Интересной представляется точка зрения, согласно которой запрет на абортотв - это бессознательный рефлексорный "отологический страх" перед угрозой возможной депопуляции данного сообщества, вида в целом.

Смертная казнь. В вопросах социального "управления смертью", пожалуй, наиболее заметное место занимает проблема смертной казни. Когда мы говорим о смертной казни, то обсуждаем, как страх смерти влияет на нашу общественную жизнь и как общество, используя страх смерти, может (стремится) регулировать социальную жизнь.

В новейшей истории тему запрета смертной казни подняли А. Кестлер (1955) и А. Камю (1957) [6]. Первый во времена франкистского режима находился в тюрьме под угрозой смертного приговора, второй был свидетелем смертной казни, напугавшей его.

Изложим вкратце доводы приверженцев и противников смертной казни. Сторонники объясняют свою позицию аргументами мести и, что более важно, доводами упреждающего наказания, формирующего мораль и имеющего предупредительную ценность. Противники в качестве одного

⁴ Согласно Библии, Бог убил Онана за то, что он, если говорить утрированно, нарушил "права половых клеток на жизнь". В Первой книге Моисея "Бытие" это описывается так: "И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему. Зло было пред очами Господа то, что он делал; Он умертвил и его" (Библия. М.: Российское библейское общество, 2002. С. 40). Вопреки распространённому мнению, Онан практиковал не онанизм, а прерванное половое сношение.

⁵ Они с болезненной тревогой говорят о репродуктивном поведении, их беспокойство по поводу "непорядков" в репродуктивном поведении очень личностно окрашено, идея запрета аборта носит навязчивый характер.

из резонов приводят тезис, взятый у тех "криминалистов", которые будто бы доказали, что смертная казнь не влияет на уровень преступности, а стало быть довод о том, что страх наказания снижает преступность, несостоятелен. Если руководствоваться научными мерками, то приводимая ими "статистика" ничего не удостоверяет. Отсутствие всплеска преступности или снижение преступности, продолжившееся после отмены смертной казни в определённой стране, категорическим образом ничего не доказывает. Вполне можно допустить, что вследствие гармонизации общественных отношений в этой стране преступность снижалась как социальная тенденция. И потому отмена смертной казни не повлекла повышения преступности. Наоборот, здесь нельзя отрицать той догадки, что если бы смертную казнь не отменили, преступность снизилась бы ещё радикальнее.

Известно, что строго научный метод подразумевает своего рода "тест на контрольной группе". Если бы в двух совершенно одинаковых странах замеры преступности, а затем в одной стране упразднили бы смертную казнь, а во второй - сохранили, то можно было бы сравнивать и делать выводы. Однако таких экспериментов, насколько известно, произведено не было.

Получается, что поборники отмены смертной казни, в части приведённой выше аргументации, стоят на утверждении, будто страх смерти не способен умерить преступность. Тогда они невольно проповедуют тезис о том, что смерть есть слабое наказание, неспособное остановить злоумышленника. Однако это утверждение не соответствует миру человеческих ценностей и страхов. Думается, если бы преступник точно знал, что сразу после преступления он обязательно будет умерщвлён, то не стал бы совершать преступления (за редким исключением, например, мести).

стр. 83

Если же мы признаем страх смерти одним из самых устрашающих, тогда приверженцы отмены смертного приговора невольно опираются на ту идею, что сила наказания вообще не влияет на уровень преступности, что очевидным образом противоречит многовековой практике "преступления и наказания", да и криминалистике как науке.

Сторонники упразднения смертной казни ещё любят добавлять своего рода "садистический" аргумент. "При бессрочном тюремном заключении, - говорят они, - применяемом взамен смертной казни, узник подвергается ужасающим испытаниям и мукам бессрочного заточения, более мучительным, нежели смертная казнь". Подобная аргументация кажется и алогичной, и не очень нравственной.

Более достоверный резон отмены смертной казни опирается на факты судебных ошибок. Действительно, в истории известны случаи, когда после приведения в исполнение смертного приговора выяснялось, что преступление совершил другой человек, а казнённый был непричастен к преступлению. Объяснение вполне логичное, во всяком случае, на первый взгляд.

Однако если посмотреть на ситуацию шире, взглянуть на "баланс смертей", подсчитать количество невинно казнённых, с одной стороны, и с другой - число ни в чём не повинных граждан, убитых преступниками, коих перестал сдерживать страх смертной казни, то вывод получается не столь однозначным. В первом случае государство, совершая судебную ошибку, убивает граждан непосредственно. Во втором, - устраняя страх смертной казни у преступника, государство убивает своих граждан опосредованно, - стимулируя в обществе убийства, и притом в больших масштабах.

Как это ни грубо прозвучит, но государство должно исходить из общих прагматических соображений, а именно устанавливать законы так, чтобы невинно убиенных было меньше. И если смертная казнь уменьшает общее число таковых, она должна применяться. Возможно, что, спасая одного человека от судебной ошибки, государство обрекает на смерть тысячу, которые будут убиты поощрёнными преступниками.

Как видим, аргументы приверженцев отмены смертной казни больше выглядят надуманными или даже фальсифицированными. Вместе с тем адепты отмены смертной казни весьма эмоциональны и активны, их идеи претворяются в жизнь, пример тому страны Западной Европы. Что же ими движет? Ответ на этот вопрос мы попытались получить в ходе нескольких углублённых бесед с поборниками аннулирования смертной казни.

Похоже, исходные импульсы приверженцев запрета смертной казни лежат не в плоскости логики или соображений практической целесообразности. Скорее они рождаются на дологическом уровне и проистекают от мотивов, заданных эмоциональной сферой и структурой страхов определённого человека. А уже потом разум используется для обоснования "готовой точки зрения", вернее рефлекса.

Допустимо сделать вывод, что первостепенный мотив - страх собственной смерти. Противник смертной казни подсознательно боится "случайно" оказаться на месте приговорённого к умерщвлению и хочет превентивно оградить себя от такой участи. Это суеверный, почти религиозный, языческий страх.

Интересна психоаналитическая трактовка обсуждаемой темы. "Искушение убить другого, - писал З. Фрейд, - и у нас сильнее и встречается чаще, чем мы подозревали, ...оно оказывает психическое влияние и тогда, когда не отражается в нашем сознании. ...Желание убивать фактически существует в бессознательном..." [2]. Возможно, поборник отмены смертной казни, безотчётно ощущая описанный бессознательный импульс, боится отдаться ему и оказаться на скамье подсудимых за преступление (убийство), наказываемое смертной казнью. Потому он заранее хочет оградить себя от возможности быть подвергнутым смертной казни.

Другое вероятное свойство адептов отмены "законодательного убийства" - это бессознательный страх перед самими преступниками, именно перед теми - самыми ужасными, "подлежащими казни". Безотчётно боясь мистического образа преступника, живущего в их подсознании, боясь неким метафизическим образом разозлить его и настроить против себя, человек "включает" в себе "синдром заложника" и становится на сторону "душегуба", ограждая его от возможного лишения жизни. Это чувство также сродни религиозному. "Противник" смертной казни как бы подаёт преступнику "языческий" сигнал: "Видишь, я не против тебя, потому что ты не тронь меня".

Примечательно, что большинство "простых людей" выступает за смертную казнь, а против неё выступают больше власть имущие - кто, собственно, и принимает законы (как известно, это показывают массовые опросы, проведённые в странах, где смерт-

ная казнь отменена или "приостановлена"). Страх перед смертной казнью у политиков сильнее выражен, возможно, вследствие того, что, обладая большой властью, политики, с одной стороны, имеют и больше искушений нарушить закон, а стало быть, быстрее подпасть под смертный приговор. А с другой, - они публичные люди, и преступники их в большей мере воспринимают как носителей политических пороков системы, а потому нападения (мести) преступников ("террористов") политики боятся больше.

При анализе этой проблемы со всей неизбежностью встаёт вопрос: "А почему ранее в государствах не отменялась смертная казнь? - ведь политики-правители были всегда. Почему это появилось только в последние годы и в демократических странах?". Ответ легко найти в рамках предполагаемого объяснения мотивации отмены смертной казни. Всё дело в процессе демократизации. В условиях монархических или деспотических режимов власть удерживалась силой. И судьба правителя больше зависела от крепости и надёжности его гвардии, нежели от закона или мнения толпы.

В демократических же сообществах всё меняется - правитель здесь может быть запросто привлечён к обычному "мирскому" суду. Он здесь в значительной мере приближен к "простолюдину", и его не спасёт "гвардия". Случаи привлечения к суду высших должностных лиц в демократических странах широко известны. Поэтому политические и экономические элиты лоббируют отмену смертной казни. Они переходят от защиты "гвардией" к защите законом. Они контролируют основные СМИ, но не могут убедить массы полностью, однако у них достаточно власти, чтобы отменять смертную казнь без поддержки большинства.

Что касается изучения действительного влияния смертной казни на жизнь общества, определения целесообразности того или иного решения, то этот сюжет в действительности никого не волнует. Мы все живем, отправляясь от страха небытия, но каждый защищается от него по-своему.

Эвтаназия. Давно подмечено: когда человек искренне плачет об усопшем - он жалеет себя, как утратившего некую ценность (покойнику уже всё равно). Когда человек осуществляет погребальные обряды, он движим двумя главными смыслами - поддержание связи с утраченной ценностью и "снятие" страха смерти через древний атавистический "ритуал её задабривания", к чему относятся обычаи захоронения и поминальных трапез.

Основной парадокс проблемы эвтаназии: право на жизнь человека не оспаривается, а право на смерть - оспаривается. Мотивация противников эвтаназии, как представляется, также имеет разноречивый характер. Здесь просматривается два главных импульса. Более очевидный импульс "любви" - амбивалентен. С одной стороны, это эгоистическое начало - сохранить для себя некую ценность, даже обрекая на страдания. С другой, - вероятно, присутствуют оттенки "нормативного лицемерия", которое никоим образом не может осуждаться.

Второй импульс - это повышенный страх перед своей собственной смертью. Противник эвтаназии непроизвольно и бессознательно идентифицирует себя "с потерпевшим" и "отчаянно не хочет умирать". Характерно, что у противников эвтаназии отсутствуют рациональные аргументы, а апеллирование идёт либо к сфере культов, имеющих главной мотивацией страх смерти, либо к сфере морали, которая во многом несёт клерикальные императивы.

Глобальные тенденции. Издревле люди пытались найти противодействие смерти. Мечтали найти волшебную "живую воду" или изобрести "эликсир молодости". Сейчас прагматичный бизнес создаёт продукты, предназначенные удовлетворять подобные импульсы. Ряд современных маркетинговых концепций успешно использует "снятый", опосредованный страх смерти.

Смерть ассоциируется со старостью, потому создаётся "культ молодости". Признанной внешней приметой старости является дряблая и морщинистая кожа. И похоже, что страх перед старческой кожей есть форма страха смерти. Вероятно, потому успехом пользуются продукты и услуги, которые пытаются противодействовать старению кожи. Это, прежде всего, косметические средства против морщин и пластические операции. Как показывает практика - количество потребителей подобных товаров и услуг в последние десятилетия существенно возрастает. Возможно, это также свидетельствует о том, что в развитом обществе странным образом усиливается страх смерти.

Основной причиной этого процесса, как представляется, служит массовое изменение состояния индивидуального сознания, вызванного процессом атомизации цивилизованного общества. Индивид здесь всё в большей мере выделяет себя из внешнего мира и, прежде всего, из социальных групп, соответственно повышается ценность его жизни в собственных глазах. Социально-групповая идентификация слабеет, снижается императивность моральных обязательств перед социумом. Общество всё больше и всё эффективнее регулируется законом, а не моралью; ценность и самооценку личности в этих условиях возрастает. Иными словами,

человек начинает больше любить себя, у него усиливается желание жить. А сила желания жить, как было предположено выше, прямо пропорциональна силе страха перед смертью.

Таким образом, в качестве двух основных "тенденций" современности, касающихся смерти, можно выделить следующие: упраздняется смертная казнь, но вводится эвтаназия. Первую тенденцию можно истолковывать как повышение в обществе страха смерти, а вторую - как повышение страха страданий. То есть в развитом социуме "нервы слабеют", а уровень страхов нарастает. Этот уклон можно интерпретировать как возрастание в современном обществе глобального невротического тренда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Союз, 1998.
2. *Лаврикова И. Н.* Молодежь: отношение к смерти // Социол. исслед. 2001. N 4. С. 134 - 136.
3. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992.
4. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: АСТ, 2004.
5. *Бородай Ю. М.* Эротика - смерть - табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, 1996.
6. *Кестлер А., Камю А.* Размышления о смертной казни. Предисловие // *Жан Блок-Мишель.* Смертная казнь во Франции. М., 2003.